

Линь Фэйши посмотрел на свои руки и спросил:

— Какие пальцы были сломаны?

— Все десять, — ответила судмедэксперт.

Услышав это число, Линь Фэйши почувствовал холод, пробежавший по спине. Три-четыре года назад, когда Сяо Чжэн еще находился в приюте Юшань, кто мог сломать ему все пальцы?

И, кроме того, если его пальцы были сломаны, его подвижность была практически уничтожена. Как же он мог помогать другим?

Линь Фэйши понимал, что Цзян Пэйи тоже заметил эти нестыковки. Его взгляд стал жестче, и он спросил:

— Где сейчас этот ключ? Есть ли что-то необычное в нем?

Судмедэксперт задумалась на мгновение:

— Должно быть, он в комнате вещественных доказательств. Я поищу его и принесу вам. Это обычный ключ от двери, ничего особенного.

Закончив разговор, Линь Фэйши вздохнул, чувствуя, что этот случай становится все более запутанным. Он начал легонько постукивать пальцами по столу — это был его привычный жест, когда он размышлял:

— Три-четыре года назад Сяо Чжэн было всего тринадцать-четырнадцать лет, он еще находился в приюте Юшань. Как могли сломать ему все пальцы?

Цзян Пэйи покачал головой, стоя у окна и глядя вниз:

— У нас пока нет зацепок. Все, что мы знаем о Сяо Чжэне, — это слова других людей. Не стоит делать поспешных выводов, но я скорее поверю неопытному ребенку, чем взрослым.

Линь Фэйши, слегка прикусив ноготь, погрузился в размышления.

— Эй, вы слышали? Вчера коллеги вернулись и сказали, что ребенок того богача был насильником? Он якобы неоднократно приставал к девочкам, за что его и выгнали из приюта!

— Что? Это отвратительно!

— ...Какой там насильник, это не так серьезно. Максимум домогательства. Необразованный ребенок, что он понимает в личных границах?

— Слышали поговорку «к трем годам характер виден»? С таким маленьким преступником, да еще без присмотра, он бы стал настоящим отбросом общества, испортившим жизнь многим девушкам!

— У него не было такого шанса. — Линь Фэйши, не спеша, вошел в общий офис. — Ваш Цзян нашел Сяо Чжэна в архиве умерших. Этот ребенок умер в прошлом году.

— Линь!

— Здравствуйте, Линь!

— В прошлом году ему было всего шестнадцать? Уже умер? — Один из следователей хлопнул себя по руке, возмущенно произнес. — Хм, кто сеет ветер, пожнет бурю. Такой маленький извращенец был бы угрозой для общества.

Линь Фэйши покачал головой, его глаза стали особенно темными:

— Не говорите так. Мы пока не можем быть уверены, действительно ли Сяо Чжэн делал что-то плохое.

Следователи в офисе замерли, не понимая, почему Линь Фэйши защищает «плохого ребенка».

— Чем больше речь идет о мертвых, тем осторожнее нужно быть с выводами, — тихо произнес Линь Фэйши. — Ведь мертвые не могут говорить.

Все полицейские в комнате уставились на Линь Фэйши, не понимая, что он имеет в виду.

— Мертвые не могут говорить, поэтому, даже если другие ставят на них клеймо, они не могут открыть рот и опровергнуть это. Разве только потому, что все говорят, что этот мальчик был насильником, мы можем без доказательств считать его злодеем? — Линь Фэйши, опершись на стол одной рукой, улыбнулся. — Мы должны различать правду и ложь, но не должны слепо следовать за большинством. Не всегда то, что говорят многие, является правдой, не так ли?

Ци Лянь с недоумением спросил:

— Вы хотите сказать, что его оклеветали?

— Я не могу сказать точно, — Линь Фэйши тихо засмеялся. — Просто я считаю, что обсуждать мертвого человека без доказательств — это неправильно.

Ци Лянь, глядя на его изысканные черты лица, почувствовал, как по спине пробежал холод, и все его тело содрогнулось.

Вернувшись в кабинет, Цзян Пэйи в очках изучал подробный отчет о вскрытии Сяо Чжэна. В то время никто не знал, кто он такой, и, поскольку это выглядело как самоубийство, тело было отправлено в крематорий как неопознанное.

Линь Фэйши сел рядом с ним и тихо произнес:

— Братишка, я вдруг понял, что злость, которую люди испытывают друг к другу, часто передается через «слова других». Даже если человек не сделал тебе ничего плохого, наблюдатели заражаются гневом, а затем передают его другим, создавая бурю эмоций, которую называют «народным гневом».

— Эффект сопереживания наблюдателей, — не поднимая глаз, спокойно сказал Цзян Пэйи. — Это как если бы ты увидел убийцу, убивающего человека на улице, и почувствовал бы гнев. Это вполне нормально.

— Но что, если наблюдатели видят только часть правды? Если с самого начала все было перевернуто с ног на голову, что вызвало неправильный народный гнев, — Линь Фэйши произнес. — Разве это не тот случай, когда молва разрушает всё?

Цзян Пэйи наконец посмотрел на него, его взгляд через стекла очков упал на лицо Линь Фэйши, и он мягко сказал:

— Что случилось? Ты что-то услышал?

— ...Ничего особенного, просто я подумал, что никто никогда не видел, как Сяо Чжэн домогается других, но теперь все уверены, что он был насильником, — вздохнул Линь Фэйши.
— Если его оклеветали, и он был бы жив, как бы ему было тяжело.

Цзян Пэйи на мгновение замолчал:

— Моё первое впечатление от Сяо Чжэна было не очень хорошим. Его взгляд на фотографии был слишком мрачным и глубоким для подростка. Думаю, у него действительно могли быть психологические проблемы.

— В любом случае, он уже мертв, и обсуждать его прошлое бессмысленно, — Линь Фэйши, опустив голову, слегка нажал на переносицу. — В любом случае, нам нужно снова посетить приют Юшань. Директор Гун точно знал о сломанных пальцах Сяо Чжэна, но ничего не сказал нам при первой встрече. Здесь что-то не так.

Цзян Пэйи заметил, что настроение Линь Фэйши упало, и, погладив его по голове, тихо сказал:

— Ты расстроен? Раньше я не замечал, что ты такой чувствительный.

— Нет, просто я думаю, что слишком полагаться на мнение других и терять собственное суждение — это печально, — Линь Фэйши слегка улыбнулся и глубоко вздохнул. — И еще печальнее, что большинство людей именно такие.

Затем он не выдержал и рассмеялся:

— Когда человек бездельничает, он начинает слишком много думать о мире.

Цзян Пэйи посмотрел на него несколько секунд:

— Давай сходим в приют после обеда.

Линь Фэйши:

— Хорошо.

Во дворе приюта Юшань группа детей восьми-девяти лет играла в прыжки через скакалку. Скакалка с громким хлопком ударялась о землю, затем взлетала вверх, и девочки, прыгая, весело смеялись.

Цзян Пэйи и Линь Фэйши подошли, и одна из девочек, которая крутила скакалку, бросила ее на землю и подбежала к Линь Фэйши, обняв его за ногу:

— Два красивых братика!

Линь Фэйши, улыбаясь, присел на корточки и мягко спросил:

— Малышка, можно задать тебе несколько вопросов?

Девочка, обняв его за шею, энергично кивнула.

Линь Фэйши продолжил:

— Чем ты обычно занимаешься здесь?

— Когда ничего не делаем, играем на улице с другими детьми.

— Иногда смотрим, как старшие братья и сестры играют, но мы слишком маленькие, чтобы присоединиться, — девочка, играя с косичкой, весело сказала. — Мы еще малыши!

Линь Фэйши спросил:

— Кто-нибудь вас обижает?

Девочка широко раскрыла глаза:

— Нет, все хорошо! Я люблю своих друзей!

Линь Фэйши мягко навел разговор:

— Ты помнишь братика по имени Сяо Чжэн?

— ...Сяо Чжэн, я его помню, — девочка оглянулась по сторонам и тихо сказала. — Но мы с ним не играли. Дядя Гун не разрешал, потому что Сяо Чжэн мог нас испортить.

Линь Фэйши спросил:

— Почему вам не разрешали с ним играть?

— Я не знаю... Но Сяо Чжэн не разговаривал, — девочка добавила. — Мы никогда не слышали, чтобы он говорил.

Линь Фэйши широко раскрыл глаза — что значит, Сяо Чжэн не разговаривал?!

<http://bllate.org/book/17716/1655735>